

ХУДОЖНИК

ГРИГОРИЮ КОЗИНЦЕВУ — 60 ЛЕТ

ГЛУБОКОГО ЭКРАНА

ВЫСОКИЙ худощавый человек стоит перед своими учениками — будущими кинорежиссерами. Он рассказывает им о Герцене и Шекспире, об Эйзенштейне и Чаплине, о том, что искусство тем и хорошо, что в нем нельзя лгать. У него есть излюбленные темы: кино разговаривает с миллионами, оно не терпит рафинированности, драблности, мещанской слезливости. Одно из своих выступлений Григорий Козинцев закончил, заявив, что считал бы себя несчастным, если бы его фильмы шли в кинотеатрах для избранных. Ему одинаково близки революционное новаторство Эйзенштейна и демократизм чаплинского юмора. Сложность искусства он видит не в изощренности приемов. Сказать о действительности новое — это,

значит, прежде всего глубоко мыслить. Его символ веры в искусстве — мысль, строгая и безжалостная. Только она бессмертна и помогает художественному произведению выстоять перед судом времени.

Свою книгу о Шекспире, труд серьезного и широкого исследователя, он назвал «Наш современник Вильям Шекспир». В Шекспире его меньше всего интересует исторический реkvизит, он ищет и находит у великого английского драматурга не то, что разделяет его с нашим временем, а то, что объединяет. В этом одна из причин всемирного успеха его последнего замечательного фильма «Гамлет».

Сложность «Гамлета», тот художественный «запрос», с которым поставлен этот фильм, Козинцев сумел сочетать с общепонятностью, с доходчивостью в самом благородном смысле этого понятия. Вот почему уже скоро год, как не сходит с экранов нашей страны и с экранов мира фильм о принце Датском.

Как умеет Козинцев заставлять своих героев думать! Одна из лучших сцен в фильме «Пирогов» — полный глубокого смысла разговор великого хирурга с великим полководцем Нахичеванским. В крови и поту Севастопольской битвы они думают о судьбе России.

Вглядываясь в горные дали Испании, думает над горестями мира пе-

чальный Дон-Кихот. Думой о связи времен, о смысле добра и зла озарено лицо Гамлета.

ГРИГОРИЙ Михайлович сказал мне как-то: «Обучить молодого кинорежиссера профессии — дело нетрудное. Приемы и специфику кино можно, при желании, постигнуть за три недели. Труднее научить человека думать, научить его видеть окружающее глазами художника, понимать то, что он хочет рассказать людям о жизни».

Григорий Козинцев всегда соединяет режиссерскую работу с педагогической. Педагогом он стал давно. В конце двадцатых годов я сидел на его лекциях в Институте истории искусств. Мне было тогда двадцать два года, моему «профессору» — двадцать три. Позже он стал профессором ВГИКа и выпустил не один десяток молодых кинематографистов. Его старые ученики сами стали профессорами, как, например, Сергей Герасимов. Сейчас Григорий Михайлович возглавляет режиссерскую школу «Ленфильма» — молодое поколение студий, ее будущее.

Я думаю, что его постоянное стремление учить и искать, возникшее еще в юности в ФЭКС («Фабрика экспериментального актера» — так называлась актерская мастерская, возглавляемая Г. Козинцевым и Л. Траубергом в 20-х годах), — следствие ясной системы взглядов в искусстве, развивающейся вместе с жизнью. Для то-

го чтобы твои художественные идеи стали материальной силой, мало ставить фильмы — надо иметь учеников, последователей.

Но Григорий Козинцев воспитал не только профессионалов. Его аудитория шире. Два поколения молодежи воспитывались на его фильмах о Максиме. Знаменитая «Трилогия о Максиме», поставленная Г. Козинцевым и Л. Траубергом в тридцатых годах, скоро отпразднует свое тридцатилетие. Удивительна судьба у этого фильма. Большевик Максим давно «сошел» с экрана и воспринимается как наш живой современник. Как своеобразный Тиль Уленшпигель нашей революции, шагает он по всему миру со своей песней.

В советском кино за всю его историю, пожалуй, не было другого такого персонажа, который бы своим историческим оптимизмом, своим юмором и презрением к смерти поднялся до символа русского рабочего-большевика, рядового ленинской партии. Какая же сила убеждения и сила искусства нужна была его авторам и режиссерам, чтобы sentimentalный романс о голубом шаре и любимой девушке поднять до уровня революционной песни, при звуках которой сейчас, как и тридцать лет назад, озаряются улыбкой лица трудовых людей в Москве и в Гаване, в Праге и в Калькутте, в Риме и в Алжире. Озаряются и как бы говорят: «Ничего, наша берет!»

Козинцев, как и всякий истинный художник, наделен особым чувством. Это чувство времени. Почти сорок лет тому назад он выпустил свой первый фильм «Похождения Октябрины». В этом фильме было больше юношеского задора, чем глубокого смысла. Но зато каким ветром повеяло и как зашатались «устои» тогдашнего «кинематографа» с его отжившими свой век методами, уже не способными выразить новое содержание. «Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей», — этот шуточный лозунг, заимствованный у Марка Твена, сопровождал вторжение в тихое и благонамеренное салонное киноискусство первого молодого отряда кинохудожников, возглавляемого Григорием Козинцевым.

МНОГО воды утекло с тех пор. Сегодня Григорию Михайловичу исполняется шестьдесят лет. И хотя дерзкий лозунг его художественной юности давно уже стал достоянием историков кино, по духу своему он жив и поныне в душе этого большого мастера. И сегодня менее всего свойственны творчеству Козинцева райские мелодии и пышное оперение. Его искусство и ныне молодо, мужественно, строго, полемично. Таков и его «Гамлет». Чувство времени помогло ему найти в тысяче первом прочтении великой пьесы свой вариант, овеянный ветром эпохи, революционным гуманизмом.

Мы часто говорим о том, что художник должен быть взыскательным, требовательным и нелицеприятным в критике. И строим. Все это не так уж трудно, когда относится к творчеству соседей, а не к своему собственному. Сила авторитета Козинцева в том, что беспощадность и бескомпромиссность в суждениях обращена прежде всего к себе самому, к своей работе. Только это и дает высокое

право судить других. Многие теряли покой и сон, попав под огонь его критики, к стати сказать, настолько же глубокой, насколько и остроумной. Но бледнее и краснее перед разящей силой его аргументов, понимали, что право на это он заработал собственной бессонницей, своей тревогой за судьбы искусства.

Когда изобрели широкий экран, многие увидели в этом возможность разместить в кадре больше людей и лошадей. Возникла опасность возвращения к ложным масштабам за счет глубины познания.

Именно тогда Козинцев начал писать свою книгу о людях и истории кино, назвав ее полемически — «Глубокий экран».

Да, его можно назвать режиссером глубокого экрана, мастером, идущим вглубь. В картинах Козинцева драматизм никогда не становится мелодраматизмом, сила чувства не переходит в сентиментальность, юмор не превращается в шутку, лиризм — в сладость. По этой причине в фильмах Козинцева смогли раскрыть свое дарование такие замечательные актеры, как Б. Чирков, К. Скоробогатов, Н. Черкасов, Ю. Толубеев, И. Смоктуновский.

Сегодня советские кинематографисты и зрители поздравляют Григория Козинцева с шестидесятилетним юбилеем. Он ненавидит юбилей — я его понимаю. Шестдесят лет — немало, но и не так уж много для человека с острым умом, для художника, находящегося в отличной форме! И хочется разделить чувства и мысли людей, знающих и любящих творчество Козинцева. Разделить чувство благодарности за то многое, что он сделал для советского киноискусства, и чувство надежды, что он еще очень много сделает для него!

И. ХЕЙФИЦ